

Н. М. Карамзин

Вестник Европы

Тридцать-седьмой год. Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К21

К21 **Карамзин Н.М.**
Вестник Европы: Тридцать-седьмой год. Том 1 / Н. М. Карамзин – М.: Книга
по Требованию, 2018. – 890 с.

ISBN 978-5-518-08104-8

ISBN 978-5-518-08104-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИСПОВѢДНИКИ

ПОВѢСТЬ.

I.

Лѣсная дорожка то суживалась, то раздавалась вширь. Между стволовъ хвойныхъ деревьевъ розовѣлъ закатъ. Небольшое общество возвращалось въ Петровскій паркъ — подь Москвою — и сдѣлало уже двѣ-трети пути, все лѣсомъ.

Впереди двигалась группа изъ одной дамы и двоихъ мужчинъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ, подальше, — еще двое мужчинъ шли, взявшись подь руку.

Молодая женщина — высокая, съ гибкой тальей, въ длинномъ тюлевоиъ пальто, въ родѣ мѣшка, съ кружевами и оборками, и въ такой же, огромной шляпѣ — шла лѣнивой, замедленной поступью. Худощавое лицо сильной брнетки все точно уходило въ огромные глаза съ пушистыми рѣсницами. Тонкiй носъ и вырѣвъ губъ очень ее красили, при матовомъ цвѣтѣ щекъ нѣсколько удлиненаго овала. Волосы только сзади виднѣлись изъ-подъ бортовъ шляпы — черные, бархатистаго оттѣнка, безъ искусственной „ондуляци“

Изъ двоихъ мужчинъ справа былъ штатскiй; другой — студентъ въ свѣжемъ кителѣ, съ золотыми пуговицами, и бѣлой фуражкѣ съ бирюзовымъ околышемъ; оба большого роста. Штатскiй — уже не первой молодости, блондинъ, въ бородѣ, одѣтый въ свѣтлую пару и въ соломенной шляпѣ — съ чопорно-барской манерой передвигать ноги — смотрѣлъ иностранцемъ. Студентъ былъ плотнѣе его въ туловищѣ, свѣжiй, красивый, съ усиками

и кудрявыми темнорусыми волосами на вискахъ. Онъ шелъ, немного покачиваясь на ходу, и держалъ въ рукѣ вѣтку, которой хлопалъ себя по ногѣ.

Изъ двоихъ мужичиъ позади, шедшихъ подь-руку, одинъ казался постарше—черноватый, худой, довольно высокій, загорѣлый—и сильно горбился. Его спутникъ велъ его подь-руку, исполняя роль кавалера. Тотъ былъ на полголовы ниже его, широкій въ плечахъ, весь круглый, и въ лицѣ, и въ тѣлѣ, гладко выбритый, безъ усовъ, съ здоровымъ цвѣтомъ щекъ, въ шелковомъ картузѣ и фланелевомъ костюмѣ, при желтыхъ башмакахъ. Свѣтлорусые волосы плотно были подстрижены на вискахъ; сѣрые, русскіе глаза бойко глядѣли по сторонамъ, и на сочныхъ губахъ то-и-дѣло появлялась пытливая усмѣшка.

Черноватый, худощавый его товарищъ запускалъ себѣ бороду и казался плохо выбритымъ. Онъ былъ одѣтъ совсѣмъ по-зимнему, въ черную пару; а на дворѣ стоялъ теплый, душный, даже и въ лѣсу, вечеръ, какіе задаются еще во второй половинѣ августа.

Общество это возвращалось на дачу Костровиныхъ. Молодая дама была жена худощаваго, некрасиваго и загорѣлаго брюнета. Его велъ подь-руку его товарищъ Булашовъ. Ни тому, ни другому не было еще полныхъ тридцати лѣтъ. Съ женой Костровина шли богатый помѣщикъ изъ-за Москвы, Манилинъ, и петербургскій студентъ, проживающій на вакаціи у родныхъ, графъ Бунинъ.

Костровинъ остановился и своими впалыми глазами показалъ товарищу на шедшихъ впереди.

— О чемъ они? — спросилъ онъ слабымъ, нутрянымъ голосомъ.

— Я не прислушивался. Ина Николаевна о чемъ-то выпрашиваетъ того... Манилина.

— А ты... какъ его понимаешь? Кто онъ собственно... по твоему?

— Нѣчто въ родѣ русскаго церковнаго пѣтиста.

— Ты читалъ его писанія?

— Кое-что читалъ.

Раздался голосъ Ины Николаевны:

— Поль!

— Здѣсь! — отделинулся Костровинъ.

— Мы сдѣлаемъ привалъ. Трава еще сухая... вонъ тамъ, на бревнахъ.

Ина говорила лѣниво, съ полудѣтской капризностью нѣкоторых интонацій, съ мягкими, московскими гласными.

— Мы всё трое сядемъ на это бревно,—указала она обонимъ кавалерамъ.—А для тѣхъ, вонъ, какъ-разъ, два большихъ пня. Ха, ха!

И смѣялась она такъ же лѣниво, какъ и говорила, съ игрой въ глазахъ. Губы ея выговаривали отдѣльные слова тоже съ особаго рода игрой.

Мужчины сѣли. Ина опустилась на бревно послѣднею, между Манилинымъ и студентомъ, и ея мѣсто пришлось противъ того широкаго, обрубленнаго пня, на который сѣлъ Булашовъ.

Для него эта Ина Николаевна не была особенно заманчивой и новой. Онъ уже встрѣчалъ такихъ, или въ этомъ родѣ, въ послѣднія пять лѣтъ. Она—прежде всего—изъ тѣхъ, кто не можетъ видѣть около себя мужчину, чтобы его не приручить, не проявести надъ нимъ опытовъ своего обаянiя. Мужа—этого чудаковатаго Костровина—она, должно быть, сразу обвела. Онъ до сихъ поръ все еще состоитъ „при ней“, хотя женатъ уже около двухъ лѣтъ. Съ той поры Булашовъ и не видался съ Костровинымъ.

— Скажите, Леонидъ Петровичъ,—обратилась Ина къ Манилину:—вы вѣдь никакого сектанства въ вашихъ мужикахъ не разводите?

— Помилуйте!—Манилинъ сдѣлалъ чопорный жестъ обѣими руками вверхъ.—Если вамъ угодно было заглянуть въ тѣ вещи, какія я вамъ поднесъ въ началѣ лѣта, вы могли, конечно, оцѣнить...

— Простите!.. Одну книжку, самую главную... я прочла. Или, лучше, заставляла Поля,—она кивнула головой въ сторону мужа,—и слушала внимательно, увѣряю васъ.

— Très flatté,—манерно выговорилъ Манилинъ и наклонилъ голову, сидя въ такой же манерной позѣ.

— Чтò-жъ! Это прекрасно—оставлять народу поэзію мистики. Въ немъ только и живетъ она; а мы ее утратили... и тщетно взыскуемъ.

Она протянула это слово „взыскуемъ“ и, прищуривъ свои огромные глаза, обвела ими всѣхъ.

Булашову было ясно—какъ слушаетъ себя и какъ собою любитъ эта несомнѣнно соблазнительная женщина и „большая ломѣва“,—прибавилъ онъ про себя.

Студентъ прислушивался съ серьезной миной своего свѣжаго,

красиваго лица и нетерпѣливо встряхивалъ ногой въ узкихъ рейтузахъ. Ему давно уже хотѣлось вставить свое слово.

— Это еще вопросъ, Ина Николаевна, — заговорилъ онъ очень громко, точно забрался на кафедру, и съ замѣтной шепелявостью: — еще вопросъ, и большой! — почти выкрикнулъ онъ: — мистицизмъ есть ли преобладающая черта въ психи русскаго народа? Иначе какъ же объяснить народное въ народной средѣ чистѣйшаго евангелизма?..

— Позвольте... — остановилъ-было его Манилинъ.

— Дайте мнѣ досказать! — еще громче воскликнулъ студентъ, съ жестомъ магистранта, стоящаго на кафедрѣ.

— Доскажите! — Ина приласкала его тѣмъ — какъ выговорила это слово.

— Я не стану входить въ подробное разбирательство... чисто богословскаго характера. Для меня все это важно съ социологической точки. Если рационализмъ есть будущее достояніе хотя бы одной только доли великорусскаго народа, то возникаетъ вопросъ: церковь — въ ея связи съ государственной властью — поидетъ ли она по пути все большаго подчиненія, или же выработаетъ, со временемъ, свой особый, независимый *modus vivendi*? И какое тогда будетъ ея отношеніе къ государству въ странѣ, какъ наше отечество, гдѣ великорусскій народъ призванъ играть роль объединяющей расы, хранительницы государственнаго уклада?

Булашовъ поглядѣлъ съ усмѣшкой своихъ круглыхъ сѣрыхъ глазъ на Костровина. Тотъ тоже усмѣхнулся. Ихъ обоимъ забавлялъ этотъ рѣчистый студентъ, воображающій, вѣроятно, что онъ, въ эту минуту, защищаетъ тезисы своей будущей диссертациі.

Этотъ титулованный молодой человекъ, смотрѣвшій военнымъ хватомъ, повидимому, былъ изъ очень начятанныхъ и, быть можетъ, готовилъ себя въ „соціологи“.

— Теперь помолчите, графъ, — мягко приказала ему Ина. — Это все по части учености. А мы совсѣмъ не о томъ.

Повернувъ лицо къ Манилину, сидѣвшему отъ нея справа, она продолжала, все такъ же капризно растягивая слова, точно она говорить подъ мелодію:

— Сколько я васъ понимаю, Леонидъ Петровичъ, вы неспособны лишить народъ того, что его поднимаетъ надъ узкой моралью, надъ здравымъ смысломъ, надъ безвкуснымъ евангелизмомъ. Онъ весь — великій мистикъ!..

— Весь ли? — замѣтилъ Булашовъ, точно про себя.

— Толкованіе благодати, — отвѣтилъ ему съ особеннымъ вы-

раженіемъ Манилинъ,—пущенное въ ходъ нашими евангелическими сектами, только подтверждаетъ всеобщую вѣру въ непосредственное дѣйствіе испускающаго начала...

Костровинъ и жена его повали особенную интонацію Манилина, когда онъ отвѣчалъ Булашову. Она была по адресу челоѣва, котораго этотъ „церковный пѣтистъ“—какъ его опредѣлилъ Булашовъ—принималъ за сектанта, зная, что отецъ его, недавно умершій за границей, даже, какъ говорится, „пострадалъ“

Ина не хотѣла, чтобы ихъ общій разговоръ перешелъ въ препирательство. Она поднялась и сдѣлала пригласительный жестъ правой рукой, въ которой, вмѣсто зонтика, держала тросточку съ металлической закругленной рукояткой.

— Споровъ не нужно, господа! А то это будетъ похоже на публичное преніе миссіонеровъ съ раскольниками. Леонидъ Петровичъ не хочетъ ничего разрушать. Напротивъ! Онъ—за настоящую мистику... не сухую, протестантскую, а высоко-поэтическую, допускающую чудо!

Она пошла съ Манилинымъ подъ-руку и крикнула мужу:

— Поль!.. Не отставайте отъ насъ. Пора къ чаю. Только и за чаемъ я не допущу споровъ.

А кивнувъ головой Булашову, она добавила:

— И васъ попрошу не вдаваться въ принципиальныя пренія. Это такъ бесплодно и сухо!

Студенту Ина сказала тономъ старшей сестры:

— И ваша социологія подождетъ.

Ея музыкальный лѣнивый смѣхъ еще долго раздавался высовой нотой, когда ея стройная фигура уже исчезла за поворотомъ лѣсной тропки.

— Погоди!—остановилъ Костровинъ Булашова.—Торопитесь намъ нѣтъ надобности. Посидимъ еще.

Они пересѣли на бревно. Обоимъ одинаково захотѣлось перемолвиться такъ, какъ они не стали бы говорить при тѣхъ.

— Не нравятся мнѣ этотъ баринъ,—началъ Булашовъ.

— Манилинъ?—тихо спросилъ Костровинъ.

— Не имѣю причины подозрѣвать его въ лицемеріи... и въ позировѣхъ. Но все это — затѣи досужаго барина, который желаетъ насаждать въ народѣ пѣтизмъ въ государственно-вотчинномъ духѣ...

— Позволь, Булашовъ,—остановилъ его мужъ Ины:—я вѣдь боюсь взять съ тобою какую-нибудь неподходящую ноту... на эту самую тему.

— Почему?

— А потому, что я не знаю—*кто* ты собственно... Мы съ тобой такъ давно не видались.

— И ты, какъ и господинъ Манилинъ, считаешь меня сектантомъ, потому что я—сынъ моего отца?

— Во всякомъ случаѣ...

— Нѣтъ, Костровинъ. Батюшка положилъ всю свою душу на дѣло, которое считалъ святымъ, лишился свободы, умеръ въ изгнаніи. Но онъ никогда не насилывалъ духовной свободы своихъ дѣтей.

— И ты...

Костровинъ затруднился договорить.

— И я былъ и при его жизни, и теперь—самъ по себѣ.

— Самъ по себѣ,—медленно повторилъ Костровинъ.

— Во всякомъ случаѣ, не то, что называютъ сектантомъ.

— Но и не пойдешь также въ сотрудники къ господину Манилину?

— Нѣтъ, не пойду!—громко и весело вскричалъ Булашовъ.

Они за это время немного отстали другъ отъ друга. Это сказывалось и въ тонѣ ихъ разговора, хотя съ студенческихъ лѣтъ они были на „ты“. Здѣсь, въ Разумовскомъ, они цѣлый годъ состояли слушателями. И раньше, въ университетѣ—на одномъ и томъ же факультетѣ—физико-математическомъ.

Въ Костровинѣ, съ его женитьбы, что-то есть новое, во что Булашовъ еще не проникъ. Даже лицо перемѣнило выраженіе. Онъ сталъ гораздо молчаливѣе, говорилъ какъ-то отрывочно, глухимъ голосомъ; взглядъ—или затуманенный, или куда-то уходящій. Но все-таки же „душевный“ малый. Обрадовался встрѣчѣ съ товарищемъ чрезвычайно, и лишь только узналъ, что Булашовъ поживетъ еще въ Москвѣ, сталъ усиленно звать его—погостить на дачу—въ Паркъ, предложилъ ему цѣлый мезонинъ. Булашовъ согласился.

— Такъ ты самъ по себѣ?—вдумчиво переспросилъ еще разъ Костровинъ и положилъ руку на колѣно Булашова.—А я думалъ, что ты одного толка съ твоимъ покойнымъ отцомъ.

— Нѣтъ, другъ.

— Стало... дѣла своего онъ тебѣ не могъ передать?

— И безъ меня оно—въ вѣрныхъ рукахъ.

— Послушай, голубчикъ,—заговорилъ Костровинъ, замѣтно волнуясь.—Я не хочу влѣзать тебѣ въ душу. Для меня всякое „credo“ священно... Но мы съ тобой столько времени не видались. И, судя по тому, что ты и прежде говаривалъ... помнишь

— какъ разъ здѣсь вотъ, въ Разумовскомъ?.. За сектанта ты себя и тогда не выдавалъ; но у тебя была любимая одна тема...

— Какая?—улыбнувшись, спросилъ Булашовъ.

— А вотъ та, что у насъ въ интеллигенціи — постыдное равнодушіе къ самымъ кореннымъ устоямъ духовной жизни... къ вопросу совѣсти, къ ея свободѣ... А главное—къ тому, что... безъ какого бы то ни было исповѣданія нельзя жить... другими словами: безъ Бога!..

Все это Костровинъ выговаривалъ съ опущенной головой, поводя ее немного изъ стороны въ сторону, не глядя прямо въ лицо пріятеля.

— Я и теперь то же скажу,—спокойно подтвердилъ Булашовъ, все съ той же улыбкой въ глазахъ.

— Ты тогда вернулся изъ заграничной поѣздки... въ Англии былъ... въ одномъ изъ тамошнихъ университетскихъ городковъ. И много рассказывалъ про тамошніе порядки. По воскресеньямъ—до пяти службъ! И на всемъ лежитъ печать опредѣленнаго credo...

— Не мало, братецъ, и лицемѣрія, и казенщины въ этомъ обязательномъ ходеніи студентовъ, въ колледжахъ, на ежедневную утреннюю службу... По моему, все это—пережитокъ средневѣкового католичества. Даже и молитву передъ обѣдомъ и послѣ него читаютъ не по-англійски, а по-латыни.

— Я не спорю. Я самъ не наблюдалъ; но все-таки тамъ есть укладъ, такъ сказать. Ты знаешь, съ чѣмъ ты имѣешь дѣло. И притомъ—свободная, непринудительная вѣра...

— Ну, ты этого не скажи!—возразилъ Булашовъ. — Тамъ, какъ-разъ, государственная религія...

— Однако... въ ней никого насильно не притягиваютъ? Сегодня ты англиканской вѣры, а завтра перешелъ въ какую хочешь секту.

— Если нѣтъ гнета власти, то есть гнетъ обычая; а это—очень часто—одно и то же!..

— А что хуже?—какъ бы про себя вставилъ Костровинъ.

— Кто спорить! Вотъ ты и попалъ въ самую суть того, что для меня, Булашова, дороже всего... всякаго положительнаго вѣрованія...

— Да ты, пожалуйста, не высказывайся... если не расположенъ.

— Напротивъ! Нѣтъ ничего мудренаго, что ты считалъ меня единовѣрцемъ покойнаго отца и думалъ, что я занимаюсь тайнымъ или явнымъ совращеніемъ... Вѣдь такъ у насъ это назы-

вается? У меня пока одна заповѣдь, которую мнѣ передалъ отецъ мой: вотъ то, о чемъ ты, Костровинъ, сейчасъ упомянулъ, возмущенный постыднымъ равнодушіемъ нашего общества, — свобода совѣсти... то-есть, свобода всякаго вѣрованія! Для меня они всѣ равны.

— Однако... для себя самого?.. Разъ ты сознаешь, что нельзя жить безъ своего внутренняго уклада—какъ же не искать истины?

— Каждый, милый мой, ищетъ ее по своему... Но разъ ты вообразилъ себѣ, что ты *только* распозналъ ее, — все равно, дана ли она тебѣ свыше, или ты до нея дошелъ своимъ умомъ — ты не можешь быть терпимъ!

— Пожалуй... Но этакъ прямой путь къ индифферентизму... къ тому, что насъ обоихъ печалитъ въ русскомъ обществѣ.

— Не стану тебѣ возражать... Къ чему приду я въ концѣ концовъ—я не знаю. Но если намъ—интеллигентамъ—нельзя жить безъ высшаго уклада, какъ ты называешь, то народу и подавно...

— Я о немъ ничего не говорю!

— И вотъ для этого народа я всѣми силами души моей желаю полнѣйшей свободы его совѣсти. Довольно и этого!

— Желать... мало...—проговорилъ глухо Костровинъ.

— Завоевать ее во имя всего народа—я одинъ не въ состояніи и не берусь за это. Что въ моихъ средствахъ и силахъ, то и буду дѣлать.

— Пока не поймаетесь!

— Ловить меня на чемъ же? Я никого совращать не намѣреваюсь. Я—простой обыватель, занимаюсь своимъ частнымъ дѣломъ. Сегодня здѣсь, завтра на Волгѣ, или на Кавказѣ, или въ Сибири.

— Ты вѣдь теперь богатый человекъ,—замѣтилъ Костровинъ.

— Своимъ имѣніемъ я всего менѣе буду заниматься. Хозяйства я не веду.

— А прежде мечталъ... помнишь, здѣсь, въ Разумовскомъ?

— Нѣтъ, другъ, лучше подальше отъ грѣха. Запашку въ обонихъ имѣніяхъ я отдалъ нашимъ же крестьянамъ. Лѣса охраняю... вотъ и все. Возни и безъ того много. Я—даровой управляющій моей матери и двухъ сестеръ. У матушки—большое личное состояніе. Здоровье плохо. Она врядъ-ли и вернется въ Россію. Сестры—при ней. Для меня такая жизнь шатуна—самая любезная. Я и пробираюсь теперь на Волгу...

— Вотъ оно что!.. Но все-таки, Булашовъ, остается свое

нутро, та святая святыхъ, безъ которой не было бы никакихъ взрваній? Ты отстраняешь себя... до поры, до времени... но уйти совсѣмъ нельзя! Я это самъ испытываю...

Костровинъ чего-то не договорилъ и оглянулся такимъ жестомъ, точно боялся, что ихъ кто-нибудь услышитъ.

— Тебя... и, кажется, твою жену занимаютъ эти вопросы? Я съ Иной Николаевной такъ мало знакомъ, всего третій день, какъ увидалъ ее въ первый разъ. Ты, когда-то, былъ то, что называютъ свободнымъ мыслителемъ. Терпимость проповѣдывалъ всегда, но никакой особой наклонности къ чему-нибудь мистическому... я не замѣчалъ. Извини, братъ, за эти, быть можетъ, нескромные вопросы.

— Почему? Почему?—заволновался Костровинъ.—Это должно быть взаимно... Видишь, Булашовъ, я не скрою отъ тебя... прежняго—какъ я называлъ—умственного равновѣсія у меня нѣтъ. Это долго рассказывать... а намъ пора. Ина будетъ недовольна.

— А ты уже въ подчиненіи?—спросилъ Булашовъ шутливымъ тономъ и положилъ руку на плечо пріятеля.

— Что-жъ... я не скрою!.. Въ любовь къ ней я положилъ много душевныхъ силъ. Съ высшей... нравственной точки, пожалуй, нехорошо впадать въ такое преклоненіе передъ женщиной—кто бы она ни была.

— Разъ ты... счастлив!..

— Счастье! Знаешь... Я, кажется, возненавижу это слово. Какъ будто оно все оправдываетъ и все освящаетъ?

— Я этого не говорю!

— Ты видишь самъ... Ина изъ ряду вонъ... не по одной красотѣ—и по уму, и по всему своему складу.

Онъ наклонился къ уху Булашова и заговорилъ, приближаясь къ нему головой:

— Она горда... никому не показываетъ. Но у нея настоящее дарованіе.

— Въ какомъ родѣ?

— Она—поэтъ!

— Завидная доля!

— И вотъ... по ея взглядамъ, если хочешь—эстетическимъ, выходитъ, что не можетъ быть ни поэзіи, ни вообще искусства безъ... какъ бы это связать... безъ мистической основы.

— Ина Николаевна и сегодня начала развивать эту тему. Только изъ-за этого она такъ поддается этому Манилину, или потому, что сама наклонна къ тому, что я называю церковнымъ піэтизмомъ?

— Пѣтвостею она никогда не будетъ. За это я ручаюсь. У нея это—вѣтъ всякаго положительнаго сгедо. Но, видишь ли, Булашовъ,—отъ нея что-то начало передаваться и мнѣ. Заново стали передо мною подниматься вопросы, вторые я считалъ давнымъ-давно поконченными и сданными въ архивъ.

— А теперь они тебя теребять?

— И вотъ когда я присутствую при такихъ разговорахъ, какой сегодня былъ у Ины съ этимъ Манилинымъ—я чувствую, что и онъ, и она, каждый по своему, чѣмъ-то обладаютъ, чего лишень я.

— И ты готовъ искать... Чего же? Благодати?

— Оставимъ такія слова.

— Или кодекса морали... христіанской или иной?

— Не пытай меня, Булашовъ! Я не могу тебѣ отвѣтить такъ ясно и просто, какъ ты... Ты—сколько я тебя понялъ—тоже на полпути.

— Какъ и всѣ мы.

— Положимъ. Но все-таки у тебя есть завѣтъ: ты не помиришься ни съ какимъ видомъ насилія совѣсти, хотя и не станешь одинъ „противъ рожна прати“...

— А гдѣ это говорится?—остановилъ Булашовъ Костровина, взявъ его за руку.

— Въ писаніи.

— А гдѣ? Это—слова, услышанныя Савломъ, по дорогѣ въ Дамаскъ. Но не эти слова важны, а то, что фанатизмъ преслѣдователя превратился въ могучую вѣру проповѣдника ученія любви и милости.

— Павелъ сразу нашель путь. Не намъ на это расчитывать!

Чего-то опять не досказалъ Костровинъ, поднялся и быстро поглядѣлъ на часы.

— Полчаса пролетѣло. Пора идти. Можетъ, ты находишь такой разговоръ совершенно ненужнымъ, даже и между старыми товарищами?

— Когда же я тебѣ это сказалъ, любезный другъ?

— Во всякомъ случаѣ... спасибо тебѣ за полную искренность! Я теперь знаю...

— Кто я?—весело окликнулъ Булашовъ и также всталъ.

— А ты развѣ торопишься... на Волгу?

— Мнѣ надо захватить развалъ макареевской ярмарки.

— Все бы хоть денъба три пожилъ еще.

— Поживу.